

ВОДЫ И ЗЕЛЕНИ МНОГО НЕ БЫВАЕТ

ПРИ СЛОВЕ «АНТРОПОЛОГИЯ» БОЛЬШИНСТВО РОССИЯН СРАЗУ ПРЕДСТАВЛЯЮТ ИЗМЕРЕНИЕ ЧЕРЕПОВ, ТОГДА КАК РАЗЛИЧНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ЭТОЙ НАУКИ ИЗУЧАЮТ ЧЕЛОВЕКА НЕ ТОЛЬКО С ФИЗИЧЕСКОЙ, НО И С СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ. О ТОМ, ЗАЧЕМ НУЖНО «ГОРОЖАНОВЕДЕНИЕ» И ЧЕМ ПЕТЕРБУРЖЦЫ СМОГЛИ УДИВИТЬ МОСКОВСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ, РАССКАЗЫВАЕТ РУКОВОДИТЕЛЬ ЦЕНТРА ГОРОДСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ «КБ СТРЕЛКА» МИХАИЛ АЛЕКСЕЕВСКИЙ. ВЕРОНИКА ЗУБАНОВА

GUIDE: Чем занимается городская антропология?

МИХАИЛ АЛЕКСЕЕВСКИЙ: Если в целом антропология — это «человековедение», то городская антропология — «горожановедение». Это направление социокультурной антропологии занимается изучением жизни человека в городе, особенностей восприятия им городского пространства. Наш Центр городской антропологии (ЦГА) проводит в этой области прикладные исследования, результаты которых потом используются при разработке проектов городского развития. Наша задача — изучить, как люди воспринимают городскую территорию, которую предполагается развивать, какие достоинства и недостатки выделяют, какие запросы и потребности существуют у основных категорий пользователей города.

G: Изучить восприятие? Какие методы применяют городские антропологи?

М. А.: Первое, что приходит в голову, если мы говорим о социальных исследованиях горожан, — это социологический опрос. Но в тех случаях, когда речь идет о проектах городского развития, это не самый продуктивный путь. Человек хорошо отвечает про настоящее и склонен рефлексировать по поводу прошлого, а в историях про будущее его ответы обычно малоубедительны, вроде «давайте, чтоб почище, и цветочков посадим». Поэтому городские антропологи действуют по-другому: их основной метод — не опросы, а глубокие интервью. Не вопросы с четкими формулировками ответов (да, нет, затрудняюсь ответить), а своеобразный «разговор по душам», который может длиться часами.

И цель этой беседы — не столько узнать, чего люди хотят в будущем, сколько понять, как и что они делают в настоящем, что им нравится и не нравится. Если говорить о парках, то вопрос будет не «что бы вы хотели благоустроить в этом парке», а «расскажите, как вы вообще ходите в парк: как часто, зачем, что вы там делаете, тратите ли деньги, пользуетесь ли общественным туалетом» и так далее.

G: И что это дает?

М. А.: Подробное описание с субъективными эмоциональными оценками — это очень ценный материал, который позволяет определить ценности опрошенных людей и существующие проблемы исследуемого городского пространства. Результаты этих исследований используют наши коллеги: архитекторы, градостроители, планировщики.

G: Каким образом?

М. А.: Люди, профессионально занимающиеся вопросами городского развития, зачастую недостаточно хорошо понимают потребности тех, чья жизнь изменится после реализации того или иного проекта. Иссле-

ИЗ Личного архива МИХАИЛА АЛЕКСЕЕВСКОГО

дования нашего центра позволяют изучить ценности повседневной практики будущей целевой аудитории проекта, то есть людей, которых он непосредственно затронет. Результаты этих исследований помогут проектировщикам продумать решения, которые максимально учтут эти запросы.

G: Для каких проектов проводятся подобные исследования?

М. А.: Для самых разных: от благоустройства районных скверов до стратегий пространственного развития для целых городов. Главное — они проводятся еще до начала проектирования. Использование антропологических исследований в предпроектных заданиях — новый опыт для России. Когда мы около шести лет назад начали внедрять эту практику, то наткнулись на непонимание: «Зачем вообще это надо, мы прекрасно жили и без этого». Сейчас инвесторы, которые сталкиваются с результатами нашей работы, говорят: «Как мы раньше обходились без них?» Действительно очень удобно, когда тебе на блюдечке с голубой каемочкой преподносят знания о том, как все устроено: что для людей важно, что нет, на что стоит опереться, а что, наоборот, скрыть.

G: А если речь идет о конкурсах?

М. А.: Залог качества конкурса — это техническое задание (ТЗ). Мы привыкли рассматривать его как технический документ, где есть карты, схемы, немного общих пояснений и указаний. Но когда ТЗ для архитектора столь кратко и расплывчато, — результаты, как правило, тоже получаются не очень впечатляющими. У архитектора просто нет времени и сил разбираться в нюансах, которых на самом деле очень много.

Мы знаем массу историй, когда архитектор придумал невероятно красивую концепцию, а потом... Гладко было на бумаге, да забыли про овраги. Чтобы не забыть про овраги, нужно создать качественное, максимально детализированное и проработанное ТЗ. И наряду с техническими особенностями участка «зашить» в него результаты антропологического предпроектного исследования — подробное объяснение того, что касается локальной идентичности территории, ценностей и запросов разных типов пользователей. Это особенно важно, если конкурс международный: для иностранных участников ТЗ — единственное, на что они реально могут опираться.

G: Какие проекты были реализованы по этой схеме?

М. А.: Один из самых первых — московский парк «Зарядье», он в рекордные сроки вошел в перечень новых достопримечательностей столицы — мест, которые обязательно нужно увидеть. Кроме того, отчасти благодаря нашим антропологическим исследованиям (в рамках проекта «Моя улица») Тверская улица вновь обрела деревья. Исследования показали, что для жителей их потеря была невероятно болезненной, и мы сумели (хотя коммунальщики были настроены крайне скептически) добиться их появления. Теперь каждый раз, проходя по Тверской, я испытываю чувство гордости.

G: И все это — на основе интервью?

М. А.: Глубинные интервью — основной метод. Но в городской антропологии используется довольно широкий арсенал методов. Например, метод включенного наблюдения. Изначально он появился во время колониальной антропологии, когда исследователи в течение длительного времени жили в племенах. Известно, что лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Но еще лучше, чем сто раз уви-